КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Апрѣля **№ 7.** 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю 3-ю великаго поста.

И призвавъ Іисусъ народы со ученики Своими, рече имъ: иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ. (Марк. 8, 34).

Вотъ путь въ царствіе небесное! Кто хочетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Іисуса Христа и быть въ царствіи небесномъ, тотъ, по слову Спасителя, долженъ отвергнуться себя и взять крестъ свой.

Что же значитъ отвергнуться себя? Не значитъ ли уже это отказаться отъ самаго себя,—бросить всякую заботу о себѣ,—о душѣ своей и своемъ тѣлѣ;—и свою душу и тѣло оставить безъ всякаго вниманія и попеченія, какъ бы что нибудь лишнее и совершенно ненужное для насъ?—Что такая мысль не была бы вѣрна, это можно видѣть изъ дальнѣйшихъ словъ Іисуса Христа, сказавшаго о душѣ, что она должна быть особенно дорога для насъ, дороже цѣлаго міра, потому что она ничѣмъ незамѣнима: *кая бо польза*

человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ и отщетитъ душу свою? Или что дастъ человѣкъ измѣну ни души своей? [1]). Итакъ, если душа наша, по слову Спасителя, ничѣмъ незамѣнима; то можно ли оставить ее безъ всякаго вниманія, можно ли не заботиться о ней?—Тоже самое должно сказать и о нашемъ тѣлѣ.—Ибо, если Господь не требуетъ, чтобы мы отказались отъ попеченія о своей душѣ; то можно ли думать, чтобы Онъ требовалъ отъ насъ и совершеннаго отреченія отъ тѣла своего, которое есть жилище и необходимое орудіе души, безъ котораго душа не могла бы ни жить, ни дѣйствовать въ этотъ мірѣ? Поэтому то и ап. Павелъ говоритъ, что *никтоже свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* (Еф. 5, 29). Да и какъ въ самомъ дѣлѣ отказаться отъ самаго себя—отъ любви къ себѣ, когда Самъ Господь говоритъ, чтобы мы другихъ любили какъ самихъ себя (Матѳ. 22, 29).

Итакъ, что же значитъ отвергнуться себя? Отвергнуться себя значитъ отказаться отъ чувственной любви къ себѣ, т. е. отъ всего того къ чему влечетъ насъ наша чувственная растлѣнная природа: отъ плотскаго образа мышленія, отъ нечистыхъ желаній и чувствованій, отъ своихъ грѣховныхъ привычекъ, и любить одного Бога, и совершенно покоряясь волѣ Его, мыслить, чувствовать, желать и поступать такъ, какъ требуетъ отъ насъ Его святый законъ. Въ этомъ случаѣ мы должны поступать такъ, какъ поступаетъ всякій воинъ, идущій на брань. Какъ воинъ, если онъ идетъ на поле брани, долженъ отвергнуться себя, т. е. отказаться отъ всего, какъ бы что ни было дорого и пріятно для него,—

[1]) Марк. 8—34.

долженъ отказаться отъ пріятностей домашней жизни, отъ отца, матери, жены, дѣтей, собственной воли и даже самой жизни своей, и долженъ предать себя въ волю своего военачальника и безпрекословно исполнять всѣ его приказанія; такъ и всякій христіанинъ, какъ воинъ Христовъ, долженъ отказаться отъ всего, какъ бы что дорого ни было бы для него; въ случаѣ нужды, онъ долженъ отказаться отъ отца, матери, жены, дѣтей и т. п., ибо Самъ Господь сказалъ: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ, и иже любитъ сына или дщерь паче Мене нѣсть Мене достоинъ* (Мат. 10, 37). Если напримѣръ, отецъ или мать, сынъ или дочъ понуждаютъ насъ на что нибудь худое—понуждаютъ нарушить заповѣдь Христову—измѣнить закону Христову; въ такомъ случаѣ намъ лучше отказаться отъ нихъ, хотя бы при этомъ намъ нужно было бы испытать какія нибудь непріятности. Если бы намъ нужно было бы испытать: скорбь, или тѣсноту, или гладъ, или наготу, или бѣду, или мечъ и тогда мы не должны отказываться отъ любви Божіей (Римл. 8—35, 29). Мы не должны отказаться отъ послѣдованія Христу даже и тогда, если бы при этомъ нужно было даже потерять жизнь свою—погубить душу свою, ибо Спаситель сказалъ: *иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю, а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю* (Мар. 8—45). Итакъ, какъ бы ни было тяжело для насъ, но мы должны совершенно отказаться отъ себя—отъ чувственной любви къ себѣ,—отъ любви къ міру и яже въ мірѣ (1 Іоан. 2—15), но во всемъ должны предать себя въ волю Божію, ибо, если Самъ Господь, Который могъ желать и дѣлать только доброе, считалъ нужнымъ отказаться отъ своей воли и предать Себя въ волю Отца Сво-

его, когда при видѣ страданій Своихъ говорилъ Отцу: *обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ* (Мат. 26—39); то тѣмъ болѣе мы, которые помышляемъ въ сердцѣ своемъ злая во вся дни (Быт. 6—5) должны всецѣло предать себя въ волю Божію и какъ можно чаще взывать къ Богу Отцу: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Итакъ, кто хочетъ быть въ царствіи небесномъ, тотъ долженъ вопервыхъ отвергнуться себя. Вовторыхъ онъ долженъ взять крестъ свой и идти за Іисусомъ Христомъ.

Что же значитъ взять крестъ свой? Что такое крестъ вообще? Крестъ есть орудіе казни, на которомъ въ прежнее время мучили и предавали смерти преступниковъ. На крестѣ былъ распятъ за наши грѣхи Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Распинаемые на крестѣ терпѣли ужасныя и невыносимыя страданія, а потому съ понятіемъ о крестѣ соединялось всегда понятіе о страданіяхъ. Посему и теперь о человѣкѣ, который сильно страдаетъ чѣмъ нибудь, обыкновенно говорятъ: онъ несетъ тяжелый крестъ. Итакъ, нести крестъ, значитъ страдать; по этому слова Спасителя: «иже хощетъ по Мнѣ ити..... да возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ», должно понимать такъ: кто хочетъ быть послѣдователемъ Христовымъ, тотъ, подобно Христу, долженъ терпѣливо, безъ малѣйшаго ропота, переносить всѣ страданія, какія на каждаго изъ насъ наведетъ наказующая и—вмѣстѣ милующая судьба всѣмъ управляющаго Промысла Божія.

А что несеніе креста необходимо для каждаго изъ насъ, это можно видѣть изъ словъ Спасителя, сказавшаго: *иже не возметъ креста своего и въ слѣдъ Меня грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Мате. 10—37). Ибо, если *подобаше пострадати Христу*, чтобы *внити въ славу Свою* (Лук. 24—26), если несеніе креста необходимо было для Самаго

Христа, Который совершенно безгрѣшенъ, а только принялъ наши грѣхи то что сказать о насъ, которые во грѣхахъ раждаемся и во грѣхахъ зачинаемся? И притомъ что такое для насъ есть нашъ крестъ? Не есть ли это, такъ сказать, наше лекарство, которое, хотя часто не по душѣ намъ, но есть дѣйствительное врачевство противъ душевныхъ нашихъ недуговъ—противъ нашихъ грѣховъ? Крестъ нашъ есть для насъ тоже самое, что огонь для золота. Какъ золото очищается посредствомъ огня, такъ и мы можемъ очиститься отъ своей скверны—своихъ грѣховъ чрезъ безропотное несеніе своего креста. Потому то и бываетъ въ жизни такъ, что благочестивые люди чаще страдаютъ въ сей жизни, чѣмъ грѣшники; поэтому то и Слово Божіе говоритъ: *Богъ, егоже любитъ наказуетъ* (Причт. Сол. 3—12). Вотъ почему и пророкъ Давидъ говоритъ: *блаженъ человѣкъ, его же аще накажеши Господи* (Псал. 93—12).—Да и что было бы, въ самомъ дѣлѣ, съ нами, еслибы крестъ скорбей и несчастій не тяготѣлъ надъ нами? Безъ него мы никогда не могли бы сознать своего грѣховнаго состоянія, никогда не пробудились бы отъ сна грѣховнаго. Развѣ только одна смерть пробудила бы насъ отъ этого сна; но когда и каково было бы наше пробужденіе? Оно послѣдовалобы въ геенѣ огненной, гдѣ нѣтъ покаянія; гдѣ вѣчныя муки и смерть вѣчная!

Будемъ же, братіе, безропотно нести свой крестъ, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ для насъ. Умретъ ли отецъ или мать, сынъ или дочь, пожаръ ли истребитъ нашъ домъ и наше хозяйство, истребится ли посѣвъ нашъ отъ зноя и непогоды, скотъ ли нашъ погибнетъ отъ моровой язвы, или иной какой крестъ пошлетъ намъ Господь нашъ, не будемъ

роптать на Бога, а скорѣе будемъ вспоминать о крестѣ и крестныхъ мукахъ Христовыхъ, и будемъ терпѣть хоть сколько нибудь подобно тому, какъ терпѣлъ за насъ Спаситель нашъ, Который, будучи веденъ на страданія, былъ *яко агнецъ прямо стригущаго его безгласенъ; такъ Онъ не отверзалъ устъ своихъ.* Будемъ чаще припоминать слово Спасителя, Который сказалъ: *блаженни плачущіи яко тіи утѣшатся* (Матѳ. 5—4) и что напротивъ *горе смѣющимся нынѣ, яко возрыдаютъ и восплачутъ* (Лук. 6—25). Будемъ молить Господа о томъ только чтобы Онъ не допустилъ насъ *искуситися паче, нежели понести можемъ* (1 Кор. 10—13), т. е. чтобы не послалъ намъ несчастій и испытаній больше, чѣмъ сколько мы, по своей человѣческой слабости, можемъ перенести. Если же крестъ нашъ будетъ слишкомъ тяжелъ для насъ, то и въ такомъ случаѣ не будемъ падать духомъ и приходить въ отчаяніе, будемъ надѣяться на благодать Божію, немощствующія врачующую и оскудѣвающія восполняющія ибо при помощи Божіей все возможно: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ, говоритъ* ап. Павелъ (Фил. 4—15).

Господи Іисусе Христе на крестѣ смерть претерпѣвый! Ты насъ призываешь ко вступленію на путь Твой; помоги же намъ отвергнуться себя, взять крестъ свой и идти за Тобою, ибо вѣруемъ *яко безъ Тебе не можемъ творити ничесоже* (Іоан. 15—4); при Твоей же помощи для насъ все возможно. Аминь.

День и годъ Кіево-подольскаго духовнаго уѣздно-приходскаго училища въ 1840-хъ годахъ.

Теперь опишемъ и годъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ,—годъ бурсы съ ея экзаменами третными и годичными, праздниками, рекреаціями и каникулами.

Экзаменовъ въ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ прежняго времени было не мало: въ каждомъ классѣ, при двухъгодичномъ курсѣ, ученики проходили через 6 третныхъ частныхъ экзаменовъ и два годичныхъ, или такъ называемыхъ публичныхъ, по всѣмъ предметамъ курса. Частные третные экзамены по частямъ предметовъ были за нѣсколько дней предъ праздниками Рождества Христова, Свѣтлаго Воскресенія, или лучше передъ страстною седмицею и передъ каникулами, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля; а публичные экзамены бывали въ концѣ каждаго года, особенно года переводнаго. Частные экзамены производили смотритель или ректоръ училища и инспекторъ съ учителями параллельныхъ предметовъ другихъ отдѣленій (когда классы были раздѣлены на 2 отдѣленія) и иногда въ присутствіи ревизора, какого нибудь профессора семинаріи, самаго ректора семинаріи и даже, что бывало очень рѣдко, ректора академіи. Послѣдніе ревизоры бывали почти исключительно только на годичныхъ частныхъ экзаменахъ учениковъ высшаго отдѣленія, при переводѣ ихъ въ семинарію. Экзамены съ ревизоромъ были особенно внушительны: на нихъ экзаменовавшіеся особенно чувствовали, что должны были отвѣчать и за себя и за учителей, которые, нельзя сказать, чтобы и въ свою очередь не трусили ревизоровъ, особенно вліятельныхъ. Но и на экзаменахъ предпраздничныхъ,—безъ ревизоровъ,—такъ сказать своихъ, домашнихъ, въ присутствіи смотрителя и инспектора, ученики тоже не безъ страха выходили къ экзаменаціонному столу. Не ровенъ часъ, какъ нибудь собьешься, не отвѣтишь, получишь роковую тройку,—и тогда бѣда. Такихъ несчастливцевъ иногда тутъ же наказывали: ставили на колѣни, а въ концѣ экзамена имъ же иногда грозила и розочная экзекуція, от-

личавшаяся отъ обыкновенныхъ и бо́льшею строгостію, и бо́льшимъ конфузомъ, такъ какъ производилась при обстановкѣ болѣе торжественной, въ присутствіи начальства и въ училищномъ залѣ. На этихъ экзаменахъ спросить всѣхъ и по всѣмъ предметамъ не было физической возможности; потому обыкновенно спрашивали наудачу однихъ учениковъ изъ однихъ предметовъ, а другихъ изъ другихъ,—большею частью лучшихъ перворазрядныхъ и худшихъ третьеразрядниковъ; среднихъ же второразрядныхъ спрашивали только изрѣдка, на выдержку. Какъ пріятно бывало на душѣ послѣ каждаго такого экзамена, если онъ сходилъ благополучно; съ какимъ торжествомъ, какимъ веселымъ голосомъ пѣвали тогда заключительную молитву: «Достойно есть...; съ какою радостью, съ какимъ веселымъ разговоромъ бѣжали дѣти на свои квартиры! Шли смутно и съ заплаканными глазами только тѣ, которые за свои неудачи на экзаменѣ поплатились экзекуціями. Ихъ тоже самое ожидало иногда и въ квартирахъ отъ ихъ репетиторовъ семинаристовъ. Совершенно другимъ колоритомъ отличались экзамены, такъ называемые публичные, особенно бывавшіе въ концѣ переводнаго года. Передъ публичнымъ экзаменомъ все въ бурсѣ приходило во движеніе: суетилось начальство,—хлопотали и объ экономической части училища, и объ учебной,—суетились и учители,—суетились и ученики, чтобы на предстоящемъ публичномъ экзаменѣ не ударить лицомъ въ грязь. На эти экзамены обыкновенно являлись, разумѣется по просьбѣ училищнаго начальства, сами владыки—митрополиты, ихъ викаріи съ интеллигентною училищною и не училищною городскою публикою. Къ этому времени зданіе бурсы обыкновенно подщекатуривалось, мылось; въ столовой, въ которую иногда заходили Владыки съ публикою,

являлись и чистыя салфетки, и тарелки, и ложки, ножи съ вилками, было что и покушать,—не хуже, какъ на Свѣтлый праздникъ. Бурса торжествовала въ ожиданіи будущаго блага. Училищный залъ уставлялся креслами и стульями, столъ экзаменаціонный покрывался краснымъ сукномъ съ кистями и уставлялся цвѣтами. Бурсачки умывались, причесывались, приглаживались, надѣвали все лучшее, что было у нихъ; особенно лучшіе ученики, которымъ однимъ почти исключительно и приходилось отвѣчать на экзаменѣ, старались, по требованію начальства, одѣться получше, для чего они заимствовались приличной оде ждой и съ чужихъ плечъ. Чтобы спрошенные на публичномъ экзаменѣ не конфузились торжественностію и публичною обстановкою и не робѣли, имъ обыкновенно заранѣе дѣлались разныя вразумленія учителями,—назначались особенные отдѣлы изъ курса,—дѣлались репетиціи, или лучше примѣры, какъ выходить къ экзаменаціонному столу, какъ кланяться, какъ отвѣчать, какъ уходить и пр. Понятно, что на публичныхъ экзаменахъ дѣти самихъ себя не узнавали. Все шло, какъ нельзя лучше. При ласковости и снисходительности главнаго экзаменатора къ дѣтямъ, при радушіи и сочувствіи къ нимъ всей публики, бѣдненькіе бурсачки пріободрялись, смотрѣли весело и игриво. Словомъ, публичный экзаменъ былъ для нихъ самимъ большимъ училищнымъ праздникомъ. Особенно этотъ день былъ незабвеннымъ для тѣхъ дѣтей, которыя, послѣ публичнаго экзамена, за свои успѣхи удостоивались получить изъ рукъ самаго владыки какую нибудь награду: книгу, или похвальный листъ. Идя съ такою наградою домой, на квартиру, ученикъ отъ радости не чувствовалъ ногъ подъ собою. Съ какою радостію онъ потомъ показывалъ

свою награду репетитору, хозяевамъ квартиры, а затѣмъ и самимъ родителямъ, по пріѣздѣ домой.

Радость послѣ такихъ, или другихъ экзаменовъ обыкновенно усугублялась и другою радостью! сейчасъ послѣ экзаменовъ дѣти обыкновенно отпускались въ домы родителей и родственниковъ, которые, къ тому времени, иногда и сами пріѣзжали за дѣтьми. Кто только могъ какъ нибудь добраться въ родной кровъ, тотъ непремѣнно старался воспользоваться случаемъ отпуска, запастись для этого билетомъ. Къ сожалѣнію для нѣкоторыхъ, особенно круглыхъ сиротъ-казеннокошныхъ учениковъ, отпуски на праздники Рождества Христова и Свѣтлаго Праздника были не на радость: на ихъ глазахъ многіе изъ ихъ товарищей уѣзжали, такъ или иначе, въ домы своихъ родителей, а имъ бѣднымъ, или некуда было писать, или не на чемъ ѣхать, а идти пѣшкомъ куда нибудь по дальнымъ родственникамъ, оказывалось невозможнымъ и по краткости времени отпуска, и по недостатку одежды, - словомъ по крайней бѣдности. Благо, если кого-нибудь изъ нихъ возьметъ достаточный квартирный ученикъ, или подвезти домой, или прямо къ себѣ въ домъ на праздники. Какъ бывало въ деревнѣ благодарно каждое бѣдное дитя за такую несказанную услугу! А оставашіеся на праздники въ бурсѣ бѣдняжки бывало больно, больно тосковали особенно на первыхъ порахъ, когда еще на ихъ глазахъ уѣзжали ихъ товарищи, или только что уѣхали, пока нѣсколько не успокоивалось горькое чувство бѣдности, сиротства и даже нѣкоторой зависти. Не безъ слезъ обходились подобные случаи для многихъ изъ нихъ. Вотъ наступили праздники: горечь и скука безъ опредѣленныхъ занятій продолжали томить нѣкоторыхъ изъ нихъ; по нѣсколько праздничная обстановка и самой бурсы въ

праздникъ улучшеннымъ столомъ, свобода отъ томительныхъ и продолжительныхъ сидѣній въ классѣ, наконецъ съ каждымъ днемъ приближающаяся надежда пріѣзда товарищей изъ деревень съ пріятной вѣсточкой и съ гостинцами, быть можетъ, и для нихъ, нѣсколько ихъ утѣшали,—и они бѣдняжки понемногу начинали приподнимать свои головки, играть съ большею рѣзвостію и веселостію. Вотъ, наконецъ, и ихъ товарищи съѣзжаются; обстановка разнобразится; вѣсточки о деревни и о родныхъ освѣжаютъ нѣсколько мысли и чувства и нашихъ затворниковъ; желудки ихъ тоже нѣсколько пополняются отъ гостинцевъ товарищей и отъ незатѣйливыхъ присылокъ изъ дому, отъ бѣдняковъ, ихъ родныхъ. Бѣдняжки забываютъ свое горькое прошлое, и снова вступаютъ въ туже учебную колею, въ которую мало по малу вступаютъ и болѣе счастливые ихъ товарищи, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдніе, послѣ хотя и кратковременной, но совершенно другой жизни въ деревнѣ, на свободѣ, въ домѣ родителей, не такъ охотно принимаются за науку, какъ первые, для которыхъ перерывъ школьной жизни былъ не такъ замѣтенъ и чуствителенъ. Въ минуты тоски и грусти по домашней жизни, при началѣ уроковъ, обыкновенно и пріѣхавшіе искреннѣе сходятся въ мысляхъ и чувствахъ съ остававшимися; тутъ то и завязываются иногда между ними самые задушевные разговоры,—съ одной стороны заявляются просьбы, а съ другой даются обѣщанія, что на будущіе праздники, или каникулы собесѣдники поѣдутъ непремѣнно вмѣстѣ, и мечтаютъ по своему, какъ будутъ проводить праздники, или каникулы. Особенно о каникулахъ приходится заблаговременно подумывать тѣмъ бѣднѣйшимъ изъ бѣдняковъ— бурсачковъ, у которыхъ, какъ говорится,

ни роду, ни племени, которыхъ кто то привезъ, бросилъ въ бурсу и забылъ о нихъ. Они то обыкновенно заблаговременно заискиваютъ у кого нибудь изъ своихъ товарищей, чтобы ихъ взяли съ собою на каникулы, обѣщая за это чѣмъ можно служить и въ школѣ и дома. Объ этомъ они хлопочутъ тѣмъ больше, что имъ извѣстны хорошо правила бурсы, по которымъ бурса бываетъ закрыта для всѣхъ безъ исключенія на все каникулярное время, безъ сомнѣнія, въ неизбѣжныхъ экономическихъ расчетахъ начальства бурсы. Что же касается до тѣхъ изъ бурсачковъ, которые имѣютъ родителей, или близкихъ родственниковъ, хоть и бѣдныхъ, хоть и за тридевять земель, они не слишкомъ задумываются на счетъ того, какъ имъ достаться туда, на каникулы, только поскорѣе наступи это вожделенное времячко, а кони у нихъ готовы,—это двѣ собственныя Богомъ дарованныя ноги съ придачею дорожнаго посоха. Съ какимъ наслажденіемъ они обыкновенно говорятъ въ кругу своихъ товарищей, объ этомъ своемъ предполагаемомъ путешествіи; какія рисуютъ картины и планы въ своемъ воображеніи. Вотъ наконецъ, послѣ публичнаго экзамена и наступаетъ это давно желанное и жданное времочко. Правда, это пріятнѣйшее для бурсы время для нѣкоторыхъ изъ бурсачковъ, иногда и омрачается, въ случаѣ— если ихъ оставили въ томъ же классѣ, по малоуспѣшности, или по маловозрастію, а иногда и совсѣмъ отравляется для тѣхъ изъ нихъ, которыхъ исключили изъ бурсы по безуспѣшности, или великовозрастію. Для послѣднихъ утѣшенія нѣтъ, а первые все таки не чужды и нѣкоторой радости вь виду того, что хоть разъ въ году избавятся на нѣкоторое время отъ ненавистной для нихъ бурсы, и побываютъ дома въ родной деревнѣ, въ кругу родныхъ.

Вотъ, всѣ наши бѣдняки болѣе или менѣе удачно окончившіе свои курсы, заблаговременно запасаются въ путь дорожку, то хлѣбцомъ, то нѣсколькими копѣйками, для чего иногда они продаютъ самое необходимое изъ бѣлья, или одежды. Въ одно прекраснѣйшее, особенно для нихъ, утро всѣ они большею, или меньшею артелью, по пыльнымъ кіевскимъ улицамъ направляются за городъ. Не обращаютъ теперь они вниманія на тѣ ироническіе взгляды и остроты, которыми ихъ иногда провожаютъ кіевскіе обыватели съ ихъ домочадцами, какъ болѣе или менѣе сытые и неразумѣющіе голоднаго. Съ радостью наши малолѣтніе путники спѣшатъ за городъ, тутъ на зеленой травкѣ, на пригоркѣ, они отдыхаютъ; покушаютъ хлѣбца съ солью, вынутаго изъ котомки, напьются чистой водицы изъ ручья, для облегченія ногъ и для сбереженія обуви, снимутъ сапожеки полуизношенные,—въ ближайшей рощѣ вырѣжутъ себѣ по странническому посоху,—и вотъ они уже совершенно готовы въ дальній путь, нерѣдко не въ одну сотню верстъ. По пути не безъ добрыхъ людей: кто напоитъ водою томящихся жаждою, кто пожертвуетъ булочку, или чехоньку, или нѣсколько копѣекъ голоднымъ, бѣднымъ сиротамъ, безъ ихъ впрочемъ просьбы, кто подвезетъ отставшаго; а кто дастъ ночной или дневной пріютъ бѣднымъ бурсачкамъ. Нужно отдать справедливость, что подобные путники всегда почти вызывали къ себѣ самое искреннее сожалѣніе и сочувствіе не только въ сельскомъ духовенствѣ, начиная отъ деревенскихъ священниковъ, знакомыхъ большею частью съ нуждою по собственному опыту, до послѣдняго бѣднѣйшаго сторожа церковнаго или бѣдной вдовы пономарихи, но даже и въ крестьянахъ мужичкахъ, знающихъ, между прочимъ, что изъ этихъ бѣдныхъ бурсачковъ выходятъ, не только

дьяки, попы, но даже и архіереи. «Дай жинко оцимъ биднымъ диткамъ повечерять»: говоритъ обыкновенно радушный мужикъ, охотно предложившій бѣднымъ школьникамъ ночлегъ у себя, въ клунѣ. «Покорно благодаримъ дядьку и титко», отвѣчаютъ тѣ, и съ радостью принимаются за теплый кулишъ (супъ) съ саломъ, который особенно бываетъ для нихъ вкуснымъ, послѣ бурсацкаго,—въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ и послѣ цѣлодневнаго, утомительнаго, не привычнаго для нихъ, хотя и пріятнаго путешествія. Какъ сладко засыпаютъ наши путешественники послѣ этого ужина, на мягкой соломѣ, покрытой какою нибудь рядюжкою, въ клунѣ, заваленной хлѣбомъ добраго крестьянина. Одному изъ нихъ грезится во снѣ оставленная бурса съ ея неприглядными аттрибутами, другому представляется родной кровъ въ какомъ то свѣтломъ ореолѣ съ радостно бѣгущими къ нему на встрѣчу, отцомъ, матерью, братьями и сестрами и пр. Утреннее солнышко уже высоконько поднялось, а наши утомленные путники все еще спятъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ просыпается на шорохъ и голосъ мужичка, пришедшаго въ клуню по какой нибудь хозяйственной надобности. Всѣ просыпаются въ одинъ мигъ, и единогласно высказываетъ сожалѣніе, что спали такъ долго. Ихъ манитъ родной кровъ: поспѣшно они собираются съ своими небогатыми пожитками, умываются, молятся и, поблагодаривши радушныхъ хозяевъ за ночлегъ, поспѣшно отправляются въ свой путь нетвердыми, нѣсколько уже подбившимися ногами. Весело разговариваютъ они, и идутъ шагъ за шагомъ. «Господа! отдохнемъ тутъ», говоритъ черезъ нѣсколько часовъ одинъ изъ нихъ. «Отдохнемъ», соглашаются всѣ, и они, одинъ по другомъ, улегаются на ароматической травѣ, подлѣ лѣска, надъ какимъ нибудь ручьемъ. Отдох-

нувши, опять продолжаютъ свой путь. Черезъ нѣсколько времени одна партія путниковъ малышей, распростившись съ своими товарищами, отдѣлилась отъ нихъ и направилась въ свою сторону; а за тѣмъ отдѣляются отъ той и другой и еще небольшія партіи. Мало по малу наши путники разбрелись почти въ одиночку по своимъ дорогамъ. Наконецъ уже всѣ они дома. О, радость! они уже подъ родительскимъ кровомъ! Къ нимъ на встрѣчу выбѣгаютъ въ попыхахъ съ распростертыми объятіями и со слезами на глазахъ отъ радости, отецъ, мать, братья и сестры; сожалѣнію, распросамъ, нѣтъ конца. Не знаютъ гдѣ усадить и чѣмъ принимать родное дѣтище, давно уже не виданное, о которомъ давно уже и вѣсточки не было. «Какъ тамъ въ вашей бурсѣ? Говорятъ, здорово тамъ бьютъ»: спрашиваетъ мимоходомъ отецъ, бѣдный пономарь, не испытавшій удовольствія быть въ бурсѣ «Ай! нужи, нужи у тебя сыну мій!» вопитъ мать, заглянувши случайно то въ голову, то на воротъ грязнаго бѣлья нашего бѣднаго бурсачка. Не довольство, не счастіе живутъ и въ избѣ бѣднаго сельскаго пономаря; — бѣдность, бѣднѣйшая бѣдность замѣтна во всей его домашней жизни; едва черствый насущный кусокъ хлѣба достался ему въ удѣлъ. Имъ кормится въ кругу родныхъ и ихъ гость — бурсачокъ; но онъ доволенъ, предоволенъ теперь своимъ состояніемъ; не промѣнялъ бы онъ родной избы ни на какія каменныя палаты, а чорстваго родительскаго хлѣба ни на какія лакомства городскаго богача. Ласка родительская ничѣмъ не замѣнима. Мы нарочно остановились нѣсколько подольше надъ путешествіемъ бурсачка на каникулы домой, потому что этотъ эпизодъ — выдающійся въ его жизни, — и, смѣемъ думать, имѣетъ въ извѣстномъ отношеніи не меньше воспитательнаго значенія,

чѣмъ все годичное время пребыванія бурсачка въ школѣ. Тутъ, въ школѣ, доброе дѣтское чувство не находитъ свойственной атмоферы; оно задерживается, подавляется, уродуется, подобно цвѣтку безъ достаточнаго свѣта и теплоты. Не то дома,—гдѣ все дышетъ вокругъ нашего бурсачка простотою, искренностію и ласкою. Не даромъ учащіеся такъ любятъ каникулы, такъ за долго о нихъ мечтаютъ,—такъ усердно стремятся на каникулы, не взирая ни на что.

Былъ еще у всей бурсы большой, пребольшой праздникъ, хотя и не въ праздникъ, это такъ называемая рекреація,—или на бурсацкомъ языкѣ—«въ рощу». Для освѣженія дѣтей здоровымъ загороднымъ, лѣтнимъ воздухомъ, для доставленія имъ невиннаго удовольствія—побѣгать на просторѣ, такъ сказать, въ кругу природы, начальство кіевоподольскихъ училищъ, издавна имѣло обыкновеніе, конечно съ разрѣшенія высшаго начальства, водить своихъ питомцевъ въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ на такъ называемыя рекреаціи—маевки въ загородню митрополичью рощу, на цѣлый день.—Отпускали дѣтей въ рощу на маевку иногда не одинъ, а два и три раза, смотря по погодѣ и по желанію начальства. Особенно въ майскую треть слова: «завтра въ рощу» имѣли для бурсаковъ, магическое дѣйствіе; ихъ произносили съ особеннымъ эффектомъ; ихъ писали гдѣ только можно было писать и читать еще за долго до самаго исполненія—завтра въ рощу. Наконецъ насталъ такой счастливый день для бурсы. Онъ впрочемъ приходилъ, какъ тать въ нощи: съ вечера ни ученики, ни само начальство навѣрно не знали—пойдутъ ли завтра въ рощу. Ученики готовятъ своимъ порядкомъ уроки, въ блаженномъ чаяніи, авось завтра пойдемъ въ рощу. Наконецъ, раннимъ утромъ, начальство, по своимъ особеннымъ астрономическимъ сообра-

женіямъ, судя по началу дня, разсчитаетъ, что день текущій будетъ благопріятнымъ для гулянья; дѣлаетъ распоряженіе комиссару (старшему служителю) закупить провизіи,—булокъ, яицъ и пр. для себя и для бурсачковъ. Пронюхаетъ это своимъ тонкимъ чутьемъ блаженная бурса, какъ обыкновенно называли ее тогда въ шутливомъ тонѣ, и, лишь только квартирные ученики начнутъ сходиться въ классы, изъ лучшихъ учениковъ высшихъ классовъ, корпусныхъ и квартирныхъ, сейчасъ же высылается къ смотрителю депутація съ просьбою: «отпустить въ рощу». Когда начальство бывало въ добромъ настроеніи духа (а на этотъ разъ оно почти всегда благодушествовало, такъ какъ и ему съ корпораціею учащихъ хотѣлось погулять въ рощѣ) оно позволяло себѣ вступать съ учениками съ нѣкоторыя шутки, отказывало въ просьбѣ учениковъ, то подъ тѣмъ предлогомъ, что въ этотъ день погода будетъ скверная, что ничего не приготовлено къ гулянью и пр. и пр. Ученики обыкновенно разрѣшали наивныя возраженія еще болѣе наивными умозаключеніями, пробавляя ихъ усерднѣйшими просьбами, сопровождаемыми частыми поклонами и цѣлованіемъ руки отца ректора Наконецъ разрѣшеніе дано. Громадная масса учениковъ вблизи смотрительской квартиры, все время слѣдившая съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ депутаціи, вдругъ узнаетъ, что «сегодня въ рощу». Боже мой! въ какой эктузіазмъ приходитъ тогда въ одно мгновеніе вся бурса. Положительно стѣны задрожатъ отъ перваго взрыва восторга шестисотной массы великовозрастнаго и маловозрастнаго люда. Такая сцена заставляла не рѣдко останавливаться прохожихъ въ крайнемъ изумленіи, что случилось съ бурсою, а случилось только то, что сегодня идутъ въ рощу. Мало по малу энтузіазмъ школь-

никовъ нѣсколько стихаетъ. Квартирные бѣгутъ домой, чтобы тамъ запастись, то провизіей, то деньжонками и поскорѣе отправиться въ рощу; кое какъ и кое съ чѣмъ собираются въ рощу и бурсачки, съ надеждою что ихъ тамъ накормятъ, пожалуй и досыта, пожалуй и полакомятъ чѣмъ нибудь. Мало по малу, по улицамъ кіевскимъ, то малыми, то большими отрядами движется по направленію къ митрополичьей рощѣ (теперь кадетской), бурсацкая команда; во всѣхъ настроеніе духа самое веселое. Къ часамъ десяти они почти всѣ уже въ рощѣ бѣгаютъ, рѣзвятся, и играютъ въ самые разнообразныя игры. Потребители вызываютъ предложеніе: являются, мало по малу, въ рощу торговки съ разными разностями, сбитеньщики, квасники и пр., и все это торгуетъ, подбирая бѣдные гроши бѣднѣйшихъ бурсачковъ, у кого они оказываются. Не говоримъ о квартирныхъ ученикахъ: нѣкоторые изъ нихъ запасаются даже и полтинничкомъ и иногда подкормятъ на свой счетъ и нѣсколькихъ бурсачковъ, своихъ товарищей—дружковъ, которыхъ къ такимъ товарищамъ, къ тому времени набирается, обыкновенно, не мало. Словомъ, для нашихъ школьниковъ теперь праздникъ изъ праздниковъ. Къ позднему полудню наконецъ начинаютъ показываться въ рощѣ и извозчичьи клячи съ сѣдоками учителями бурсы и приглашенными ихъ пріятелями, для которыхъ разбивается палатка. Наконецъ движется и экипажъ съ смотрителемъ и съ инспекторомъ. Пріѣзжали иногда въ рощу, по приглашенію разумѣется, и нѣкоторые профессора семинаріи съ ихъ начальствомъ, кой кто изъ духовенства кіевскаго,—кой кто изъ академической профессорской корпораціи. Не задолго передъ этимъ бурсачковъ покормили довольно сытнымъ обѣдомъ даже съ придачей каждому изъ нихъ двухъгрошевой цѣлой булки; а

послѣ обѣда внимательные гости, по примѣру начальства училища, потѣшали бурсачковъ и тѣмъ, что разсыпали имъ съ высоты цѣлыми закупленными корзинами орѣхи, яблоки, конфекты пр. Тутъ то шла потѣха, не обходившаяся иногда и безъ легкихъ увѣчій. Поощряемыя начальствомъ и высшими лицами, дѣти рѣзвились, какъ въ родной семьѣ; тутъ забывалась бурса съ ея страхомъ и жесткою дисциплиною. Когда и начальство съ приглашенными гостями достаточно ублаготворялось, то чаями, то закусками, къ нему въ палатку подзывались бурсацкіе пѣвчіе и начинали распѣвать разныя, иногда и не духовныя пѣсни. Пѣвчихъ одаряли. Слушавшіе тутъ же иногда и сами запѣвали кое что, вспомнивши молодость и, какъ говорится, тряхнувши стариной. Развеселый былъ этотъ день... Вотъ солнышко уже склоняется къ вечеру: сильныя впечатлѣнія дня не могли не истомить и старыхъ и малыхъ. Пропѣта послѣдняя пѣсня,— съиграна послѣдняя игра во мячь, и гулянье окончено. Кое кто изъ дѣтей уже и раньше направился домой; но теперь уже всѣ собираются по домамъ, по зову начальства. Вся бурса съ начальствующими во главѣ (за исключеніемъ немногихъ, оставшихся допить послѣднія бутылки не допитаго) движется обратно изъ рощи домой. За городомъ начальство еще позволитъ путешественникамъ спѣть какую нибудь послѣднюю лебединую пѣсеньку, но съ строгимъ приказомъ, чтобы въ чертѣ города всѣ шли тихо, чинно, какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ дѣтямъ. Такъ и дѣлается. Неизбѣжная истомленность отъ цѣлодневнаго бѣганія, городская атмосфера, наконецъ атмосфера бурсы съ ея принижающими порядками оказываютъ свое полное дѣйствіе на дѣтскую натуру. Вступивши въ полумракѣ на порогъ бурсы' дѣти наконецъ почувствовали, что все кончено и, съ горь-

кимъ разочарованіемъ, засыпаютъ на своихъ убогихъ постеляхъ, не рѣдко предоставляя себя въ пищу алчнымъ паразитамъ. Теперь насталъ и для нихъ праздникъ: живое, молодое тѣло отъ усталости теперь не шелохнется ни однимъ членомъ. Утромъ встаютъ всѣ съ тѣмъ же разочарованіемъ: и скучно и грустно; уроки идутъ какъ то вяло; едва уже въ слѣдующій другой день училищный механизмъ направится, какъ слѣдуетъ, по своей колеѣ. Чрезъ нѣсколько дней дѣти опятъ желаютъ въ рощу; опять просятся; но это имъ не всегда удавалось, по пословицѣ: не всегда коту масляница. Въ послѣднее время, эта масляница кажется, и совсѣмъ вывелась изъ употребленія. Есть конечно на это и свои резоны; но, намъ думается, что такихъ резоновъ гораздо больше и въ пользу, конечно, не очень частыхъ рекреацій. Вотъ мы уже описали по возможности и день и годъ кіево-подольскихъ училищъ съ ихъ ученіемъ, экзаменами, отпусками на праздники и каникулы и рекреаціи; но мы еще оставили одинъ важный пробѣлъ въ жизни училища, именно, мы не сказали еще о хожденіи дѣтей въ церкви, гдѣ, между прочимъ, развивалась ихъ религіозная жизнь, такъ важная для нихъ и по самому ихъ назначенію. Объ этомъ, впрочемъ, можно сказать тоже немного, особенно утѣшительнаго. Съ самаго основанія бурсы, питомцы ея нѣкоторое время ходили съ семинаристами въ академическую, такъ называемую, конгрегаціонную церковь; а съ преобразованіемъ академіи, по распоряженію начальства, для учениковъ духовныхъ училищъ отведена была сосѣдняя Ильинская церковь, какъ малоприходная, тѣмъ больше, что въ ней былъ и теплый придѣлъ. Только уже впослѣдствіи, въ концѣ 50-хъ годовъ устроена была церковь въ самомъ училищномъ зданіи, въ училищномъ залѣ, гдѣ она

помѣщалась и до послѣдняго времени. Въ намѣченное нами время всѣ ученики и приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, и квартирные и казенокоштные, обыкновенно ходили какъ мы сказали выше, въ Ильинскую церковь, въ которой настоятелемъ былъ очень долгое время достопочтеный учитель, старожилъ училища, о. Мина Жолткевичъ. Позволялось впрочемъ иногда нѣкоторымъ квартирнымъ ученикамъ ходить и въ другія приходскія церкви, но только въ нѣкоторые ненастные мѣсяцы, осенніе и весенніе, и зимой. Когда квартирные ученики ходили въ Ильинскую церковь, тогда обыкновенно вся бурса собиралась предварительно, передъ каждымъ богослуженіемъ, въ училищномъ дворѣ, передъ квартирою инспектора. Дежурный старшій докладывалъ инспектору, что всѣ собрались Инспекторъ выходилъ; иногда дѣлалъ тутъ повѣрочную перекличку,—а иногда и безъ того отпускалъ дѣтей въ церковь. Всѣ шли рядами. Подходя къ самой церкви, часть учениковъ, обыкновенно нижнихъ классовъ направлялась въ теплую. небольшую церковь, а часть старшихъ въ большую, холодную. Какъ тамъ, такъ и здѣсь ученики становились группами, поклассно, въ ряды; за учениками тутъ смотрѣли, кромѣ инспектора и его помощниковъ, дежурные старшіе и еще классные цензоры, каждый за своимъ классомъ. При такомъ бдительномъ надзорѣ, трудно было увернуться кому нибудь, чтобы пропустить богослуженіе, опоздать къ нему, или какъ нибудь не благочинно стоять,—и не быть за это записаннымъ. Самый бдительный надзоръ былъ особенно со стороны цензора; онъ, то каждый разъ, послѣ церквной службы, и докладывалъ, кому слѣдовало, длинный списокъ то не бывшихъ въ церкви, то почему либо опоздашихъ, то шумѣвшихъ. Виновные, обыкновенно, каждый разъ получали воз-

награжденіе, только не въ видѣ увѣщаній и религіозно нравственыхъ наставленій, а совершенно въ другомъ вкусѣ,—даже иногда и въ видѣ розгъ. Потому то ученики училищъ прежняго времени были хорошо пріучены къ церковной дисциплинѣ,—выстаивали терпѣливо довольно продолжительныя службы, хотя религіозная мысль и чувство дѣтей тутъ мало питались. Гораздо привольнѣе было тѣмъ квартирнымъ ученикамъ, которымъ позволено было на нѣкоторое время ходить въ приходскія церкви. Тутъ надзора за ними было гораздо меньше,—порядка не было почти никакого. Смотрѣлъ здѣсь за учениками такъ называемый квартирный старшій, и только изрѣдка помощникъ инспектора. Приходскіе священники, къ сожалѣнію, не всѣ сочувствовали, по своимъ расчотамъ и соображеніямъ, хожденію учениковъ въ ихъ часто не обширные теплые храмы; за приличнымъ состояніемъ учениковъ, въ храмѣ почти не слѣдили, и, только по временнамъ, по какой нибудь жалобѣ почетной прихожанки, разражались бранью, даже публично, на бѣдныхъ дѣтей своихъ сослужителей. Бѣдные дѣти зимою въ какомъ нибудь темномъ углѣ, холоднаго приходскаго храма принуждены были въ своей нехитрой одеждѣ жаться другъ другу, дуть въ кулакъ и топать ногами. Тутъ ли было до молитвы? А не итти въ церковь—опасно;—запишутъ, что не былъ и донесутъ инспектору. Вотъ ученикъ и дрожитъ въ церкви до окончанія службы, озираясь то въ ту, то въ другую сторону, выглядывая, не пришелъ ли старшій а, храни Богъ, и самъ помощникъ инспектора.

Такова была, въ общихъ чертахъ, жизнь, таково ученіе, таково воспитаніе сотней дѣтей, воспитывавшихся въ нашей alma mater въ 1840-хъ годахъ.

Пр. *П. Троцкій.*

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Во многихъ газетахъ и журналахъ, было напечатано объявленіе о подпискѣ на иллюстрированное духовное изданіе, подъ заглавіемъ «*Церковъ и ея служители, настольная книга для русскаго духовенства и православныхъ христіанъ*». Программа изданія отличается разнообразіемъ содержанія, такъ что увлечетъ любаго читатели на выписку «Церкви и ея служителей». Но, какъ извѣщаютъ нѣкоторые журналы и газеты, оказывается, что это не больше какъ спекуляція.

Такъ «Правосл. Обозрѣніе», въ февральскомъ выпускѣ, по поводу предполагаемаго изданія говоритъ, что издатель его *неизвѣстенъ* и въ объявленіи объ изданіи указана только квартира редакціи съ *апокрифическими* именами сотрудниковъ (стр. 355).

Въ газетѣ Гатцука № 5, сказано: «Бывшій приказчикъ московскаго книгопродавца Прѣснова, книгопродавецъ Желтовъ, тотъ самый, который собралъ подписку на купленную имъ у г. Савича «Ремесленную Газету» и ограничился изданіемъ нѣсколькихъ нумеровъ, тотъ самый, который собиралъ съ провинціаловъ деньги то за какой-то всецѣлительный порошокъ и за шитье бѣлья для всѣхъ, то за невысылаемыя книги (подъ фирмою магазина «Корреспондентъ» и далѣе «Коммиссіонеръ»),—заявилъ провинціямъ объ изданіи чего-то въ родѣ журнала подъ заглавіемъ: «Церковь и ея служители», и довѣрчивые русскіе люди вашихъ провинцій подписываются на объявляемую имъ циркулярами книжонку, какъ на журналъ. На вопросы по этому предмету долгомъ считаемъ заявить нашимъ читателямъ, что никакого журнала подъ именемъ «Церковь и ея служители»

не издается въ Москвѣ и даже публикацій о немъ не было въ московскихъ газетахъ».

Въ Церковн. Общ. Вѣстникѣ (№ 27) сообщаютъ изъ Подольскаго уѣзда, Моск. губ., слѣдующее:

«Предполагаемый издатель «Церкви и ея служители» дѣйствительно Желтовъ. Редакціи никакой нѣтъ, а только собираются деньги. Редактора протоіерея Варлаамова не существуетъ. Подписываются иа изданіе очень многіе, и Желтовъ каждый день получаетъ по нѣсколько писемъ съ деньгами. Дома его застать никогда нельзя.

Печатать дозволяется. 4-го Апрѣля 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.